

ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ
КОНСТАНТИН НИКОЛАЕВИЧ
И РУССКОЕ ПАЛОМНИЧЕСТВО
В СВЯТУЮ ЗЕМЛЮ

К *150*-летию основания *Русской Палестины*

ФЕДЕРАЛЬНОЕ АРХИВНОЕ АГЕНТСТВО
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ АРХИВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
НАУЧНО-ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ЦЕНТР «ИНДРИК»

ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ
КОНСТАНТИН НИКОЛАЕВИЧ
И РУССКОЕ ПАЛОМНИЧЕСТВО
В СВЯТУЮ ЗЕМЛЮ

К 150-летию основания
Русской Палестины
1860–1864

Автор-составитель
К.А. Вах

МОСКВА «ИНДРИК» 2011

Выставка «Великий князь Константин Николаевич и русское паломничество в Святую Землю» концептуальна. Впервые мы имеем возможность показать как зарождалось такое явление, как Русская Палестина, кем, когда и при каких обстоятельствах была заложена прочная база русского духовного и политического присутствия на святых местах; показать роль одного из главных идеологов реформ императора Александра II — великого князя Константина в становлении нового формата русского политического и духовного присутствия на Православном Востоке после Крымской войны.

Идеология Русской Палестины родилась в наиболее прогрессивном и демократичном ведомстве России времен Парижского мира — Морском министерстве. По указанию его главы генерал-адмирала великого князя Константина во второй половине 1856 года, когда российская дипломатия только обсуждала возможности российского взаимодействия с европейскими державами на Ближнем Востоке, был сформирован получивший высочайшее одобрение «Иерусалимский проект», в рамках которого русское православное паломничество в Святую Землю и покровительство ему со стороны государства впервые приобрело статус инструмента внешнеполитического влияния России. В короткий срок в Палестине были приобретены значительные земельные участки, устроены временные паломнические приюты, создана инфраструктура доставки и обслуживания паломников из России, открыто консульство в Иерусалиме. В мае 1859 года, несмотря на противодействие главы МИД князя А.М. Горчакова, великий князь вместе с супругой и старшим сыном совершил паломничество на Святую Землю. После посещения им Иерусалима и Константинополя процедура оформления приобретенных Россией земельных участков значительно ускорилась, и летом 1860 года близ Яффских ворот Святого Града началось строительство первого масштабного архитектурного ансамбля за стенами старого города. Русские постройки открыли новую эру в развитии Иерусалима, недаром они являются теперь историческим центром современного

города, а местные жители окрестили их громким именем «Новый Иерусалим».

Престиж России на Христианском Востоке, поколебленный Крымской войной, был в целом восстановлен, ее роль и участие в решении Восточного вопроса сохранились; формат российского присутствия в Турецкой империи и на святых местах стал более универсальным. Учреждение российского консульства в Иерусалиме (1858), возведение ансамбля Русских Построек близ Яффских ворот Святого Града, ремонт купола ротонды над Гробом Господним, земельные приобретения в Иерусалиме и в Палестине, — все это положило начало прочному обустройству России на Святой Земле.

До настоящего времени «Иерусалимский проект» не был предметом изучения и не имеет своего исторического исследования. Выставка послужит увековечиванию памяти первого русского августейшего паломника ко Святому Гробу великого князя Константина Николаевича как основателя Русской Палестины и русского дела в Святой Земле, заложившего материальную и идеологическую основу современного русского паломничества ко святым местам.

На предыдущем развороте:
Вид южной стены Иерусалима. Литография по рисунку братьев Н. и Г. Чернецовых. 1844 г.

Здание Русской Духовной Миссии и Троицкого собора в Иерусалиме. Фото конца 1860-х гг.

«ПРОЕКТ РОПИТ» И РУССКИЕ ПАЛОМНИКИ

1 Чичерин Г.В. Исторический очерк дипломатической деятельности А.М. Горчакова. М., 2009. С. 336

2 Виноградов В.Н. Британский лев на Босфоре. М., 1991. С. 96

3 Об опасениях со стороны греческих иерархов см. записку М. Волкова «Что довело Россию до настоящей войны», адресованную А.М. Горчакову // Зайончковский А.А. Восточная война в связи с современной ей политической обстановкой. Приложения. Т. I. СПб., 1908. С. 162–190

4 В долгосрочной перспективе национальное развитие христианских народов должно было привести к разделению Турции, поэтому создание нормальных условий для этого процесса, в рамках «европейского концерта», стало главным предметом восточной политики А.М. Горчакова. См.: Чичерин Г.В. Исторический очерк дипломатической деятельности А.М. Горчакова. М., 2009. С. 333

Великий князь Константин Николаевич. Литографированный портрет. Конец 1850-х гг.

Поражение России в Крымской войне означало сильное сокращение ее влияния в пределах Турецкой империи и в частности на Балканах. С точки зрения геополитики: России преграждался дальнейший путь на Восток¹. Мирный договор, подписанный в Париже 30 марта 1856 года, заменил все прежние двусторонние соглашения между Россией и Турцией, которые служили юридическим обеспечением российских интересов в регионе. Парижский трактат ввел принцип интернационализации русско-турецких отношений² и учредил коллективной способ опеки Османской империи — «европейский концерт», в котором Россия пребывала в меньшинстве. Традиционные союзники России на Православном Востоке — греческие православные Патриархи — в условиях давления панэллинистической национальной идеологии стали видеть в русских своих конкурентов при будущей борьбе за наследие Османской империи³.

Объективно у России после подписания мира просто не оставалось предмета для сколько-нибудь активной официальной деятельности на Востоке, кроме коллегиального обсуждения положения христиан в Османской империи⁴. Но положение о нейтрализации Черного моря само по себе должно было стать достаточным предметом, мотивировавшим ее государственный интерес на Востоке. Кроме публичного унижения, эта статья Парижского трактата серьезно тормозила освоение южного региона и создавала трудности для внутренней и внешней коммуникации. Военные действия на Кавказе продолжались без поддержки российского военного флота. Торговые суда, все побережье и транспортные артерии на Черном море пребывали без защиты. Средиземное море было доступно для российских эскадр не иначе как через британский Гибралтар, а прямой путь в Палестину и на Афон для простых русских людей проходил по странам Европы.

Российской государственной власти предстояло найти такую формулу своей внешнеполитической деятельности на Востоке, которая в условиях наложенных ограничений позволила бы удерживать там наше влияние и гарантировала бы свободу плавания русских судов через проливы. Решать эту задачу одновременно взялись два российских ведомства — МИД и Морское министерство. Каждое по-своему было подготовленным для этого.

Деятельность Морского министерства на политическом поле Православного Востока начиналась стихийно и совершенно автономно от МИД. Непрофильная по существу, она была совершенно логична с точки зрения конфигурации власти и внутриполитической ситуации начала нового царствования. В середине 1856 года Нессельроде уже не занимался внешней политикой, а Горчаков только вступал в дела. После коронации Александра II великий князь Константин Николаевич сделался вторым человеком в государстве, а Морское министерство, которое он возглавлял, стало центром подготовки реформ нового царствования. Одним из его проектов было созданное летом 1856 года Русское Общество Пароходства и Торговли — РОПиТ. Предполагалось, что пароходы РОПиТ заполнят собой опасную пустоту на Черном море, которая образовалась после уничтожения русского военного флота, а негосударственный характер Общества позволит нейтрализовать возможные недоброжелательные заявления Англии и Австрии. Создание РОПиТ преследовало и другие цели, такие как: сохранение кадров военных моряков упраздненного Черноморского флота, создание условий развития внешней и внутренней торговли юга России, устройство речного судоходства по Днестру, Днепру, Дону, Дунаю и Бугу и т.д. Но, по словам самого августейшего учредителя, при основании Общества «имелась в виду, кроме пользы собственно торговой и промышленной, еще другая высшая цель, состоящая в содействии Общества коренному русскому православному населению Империи для удовлетворения духовной потребности оною, которая с давних лет ежегодно влечет православных поклонников к Гробу Господню и святым местам Палестины»⁵. Таким образом доставка паломников из России связывалась с государственной внешнеполитической задачей поддержки православия на Святой Земле, в первую очередь деньгами частных лиц — т.е. паломников.

⁵ Великий князь Константин Николаевич Романов. Эксклюзивный памятный фотоальбом. Самара, 2004. С. 196–197

Вход в храм Воскресения Христова. Литография по рисунку братьев Н. и Г. Чернецовых. 1844 г

ВОПРОС О ПУТЕВОДИТЕЛЕ ПО СВЯТЫМ МЕСТАМ

Для осуществления масштабных задач РОПиТ на Православном Востоке нужны были большие деньги, принести которые могла только чрезвычайно успешная коммерческая деятельность Общества, завязанная на постоянные перевозки огромного числа пассажиров. Этими пассажирами должны были стать русские паломники, ежегодно отправлявшиеся на Афон и в Иерусалим. Их количество планировалось значительно увеличить при помощи массового народного «Путеводителя ко святым местам». Путеводитель должен был донести до широких слоев русской публики мысль, «что путешествия на Восток давно уже перестали быть подвигами и что беспрестанные странствования туристов установили уже почти везде некоторые условия того европейского комфорта, который для всех составляет предмет первой необходимости, <...> что в настоящее время посещение замечательных местностей представляет мало затруднений и что без больших издержек можно с удобством пользоваться прямым русским сообщением для достижения всех пунктов побережья Средиземного моря»¹. Для написания такого путеводителя по докладу генерал-адмирала великого князя Константина Николаевича и личному распоряжению императора Александра II в Иерусалим и на Афон в начале ноября 1856 года был командирован чиновник Морского министерства Борис Павлович Мансуров².

Вместо заказанного Обществом путеводителя Мансуров привез из Иерусалима собственный проект устройства русского богомолья ко святым местам, который и был взят за основу при создании государственной программы поддержки русского паломничества в Святую Землю. Православный путеводитель был написан по заказу РОПиТ замечательным русским журналистом и писателем Н.В. Бергом и вышел в свет лишь в 1862 году.

1 Мансуров Б.П. Православные поклонники в Палестине. СПб., 1857. С. 3–4

2 Проект всеподданнейшего доклада великого князя императору Александру II, Приказ на командировку и Инструкция Б.П. Мансурову, данная великим князем Константином Николаевичем, впервые публикуются по писарской копии РГА ВМФ (Ф. 410. Оп. 2. Д. 13. «О командировании статского советника Мансурова в Иерусалим и на Афон для составления Путеводителя ко святым местам»)

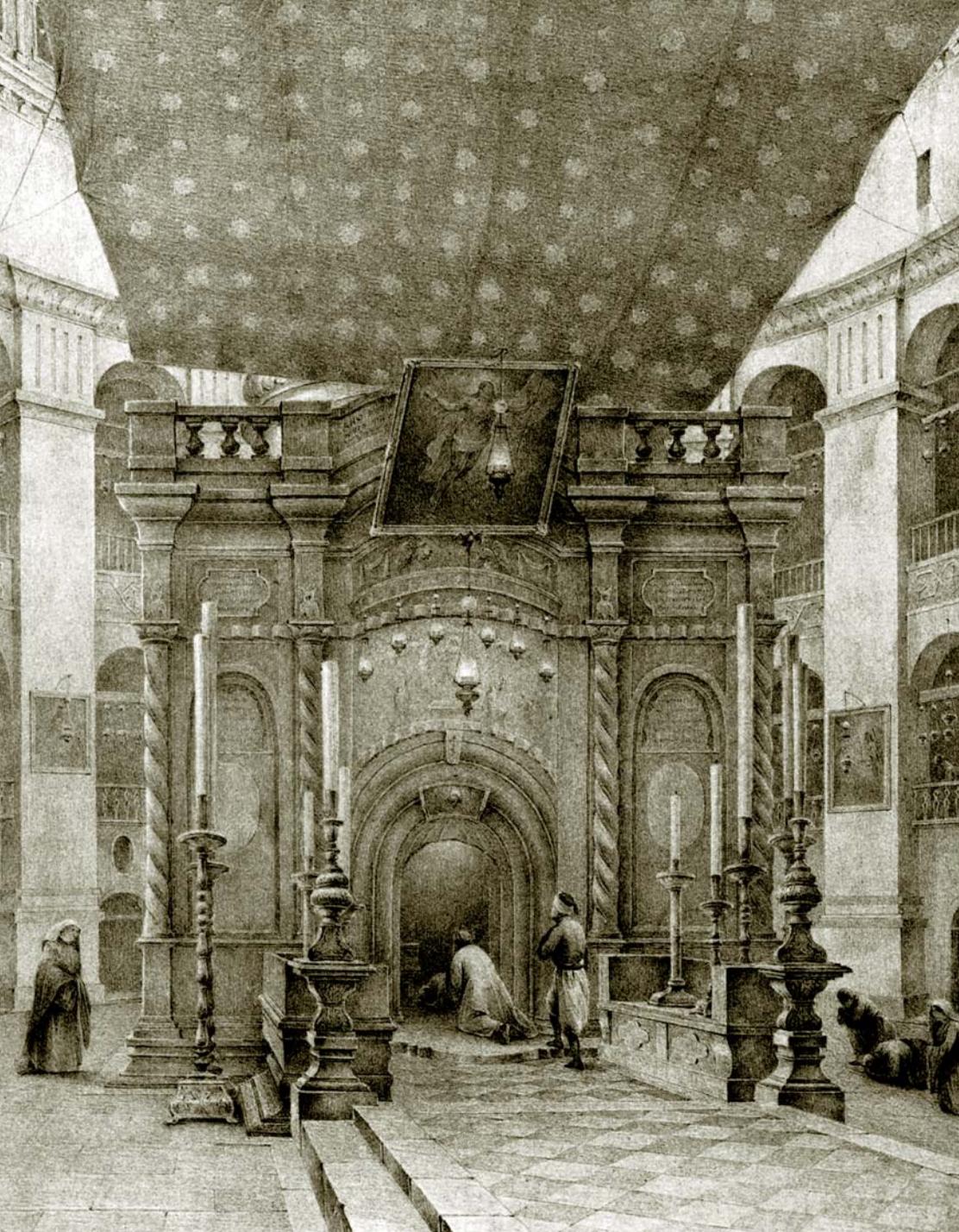

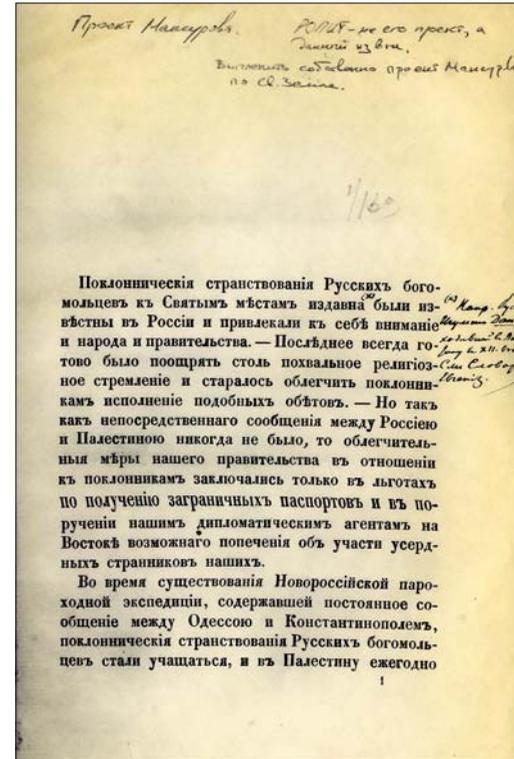
Б.П. Мансуров.
Середина 1850-х гг.
Фотография из альбома
великого князя
Константина Николаевича

¹ Наиболее полный текст этой книги был опубликован в типографии Морского министерства в С.-Петербурге в 1857 и 1858 гг. См.: Мансуров Б.П. Православные поклонники в Палестине. СПб., 1857, 209 с., и Мансуров Б.П. Отчет о посещении Иерусалима и православных храмов. СПб., 1858, 160 с. Книга, за исключением нескольких экземпляров, была изъята из обращения. Указанные экземпляры хранятся в Российской Национальной библиотеке. В 1858 году как приложение к журналу «Морской сборник» вышел в свет переработанный и сокращенный вариант отчета Мансурова «Православные поклонники в Палестине». СПб., 1858, 106 с.

Посетив Восток в 1857 году, Б.П. Мансуров обнаружил, что даже те паломники из России, которые ежегодно посещали Палестину в середине 50-х годов XIX века, испытывают серьезные трудности с размещением в Святом Граде. Дальнейшее увеличение их числа могло бы только усугубить проблему. Этим паломникам, по его мнению, нужен был не «Путеводитель», а обустроенные приюты и подворья, способные принять всех богомольцев и предоставить им элементарные человеческие условия проживания. Вернувшись в Россию, Мансуров убедил великого князя в необходимости начинать русскую деятельность на Православном Востоке с разработки срочных мер по улучшению быта русских православных поклонников в Иерусалиме. Его критичный и нелюбимый отчет о командировке вместе с собственными соображениями на тему организации русского дела в Святой Земле был опубликован в брошюре¹, вышедшей ограниченным тиражом без указания автора и титульного листа. Основу книги составили те самые «практические» сведения, которые были собраны Мансуровым для Путеводителя. «Результат исследований быта наших богомольцев на Востоке, — писал он, — очень естественно привел к убеждению, что ни правительство наше, ни Общество Пароходства и Торговли, не могут еще решиться на издание в свет *общенародного путеводителя к святым местам*, книги, вследствие которой, в случае успеха, поклоннические странствования в Палестину могут увеличиться... Недобросовестно было бы, из денежных расчетов для общества, привлекать к поклонничеству простых людей, которые с усердием ответили бы на предложения зовущих, не имея понятий об испытаниях, готовящихся для них во все время странствования. Точно так же и частное лицо² не может решиться на издание в свет книги, вызывающей на поклонничество, когда оно

Гроб Господень.
Фрагмент литографии
братьев Г. и Н. Чернецовых.
1844 г.

Первый лист книги
Б.П. Мансурова «Православные
поклонники в Палестине»
с авторской (?) правкой (СПб., 1857)

2 Очевидно, Б.П. Мансуров имеет в виду самого себя и свое поручение по изданию путеводителя

3 Мансуров Б.П. Православные поклонники в Палестине. СПб., 1857. С. 110–113

знает, что для русских богомольцев в Палестине ничего не приготовлено и что одного набожного настроения недостаточно для поддержания духовной и телесной силы в течение долгого времени... Следовательно, до тех пор пока в Палестине не будет устроена русская попечительная заботливость о всех нуждах наших богомольцев... Само собою разумеется, что и наше правительство, и наша Церковь, и Общество Пароходства и Торговли должны немедленно обратить внимание на важность русских потребностей в Палестине, и каждое с своей точки зрения и согласно своим пользам приступить к мерам, соответствующим положению вещей и достоинству России»³.

Проект Мансурова опирался на три отрицательных положения: о том, что невозможно улучшить положение русских дел в Палестине без значительных финансовых затрат, на которые вряд ли решится правительство, что действовать дипломатически прямо или хитростью невозможно потому, что подозрительность Запада и опасения Порты связывают России руки, и что бесполезно тратить силы и средства на поддержку иных интересов на Востоке, кроме собственно российских. Для обеспечения российской деятельности в Палестине требовалось создать новые источники денежных средств, облечь эту деятельность в такую неполитическую форму, которая позволила бы действовать прямо и открыто отстаивать свои намерения, а также сосредоточить все ресурсы на возвышении всего того, что составляет на Востоке чисто русские интересы.

Первым пунктом программы Мансурова следует признать мысль о необходимости личного покровительства ей Государя Императора. Вторым — необходимость учреждения в Палестине консульской сети, а в Иерусалиме — самостоятельного консульства. Затем необходимость устройства паломнических приютов, госпиталей, домовых храмов и русского богослужения, для чего предполагалось учредить в империи особый церковный сбор. Средства, собираемые в кружку, должны были идти не только на строительство, но и на создание капитала для содержания инфраструктуры в Палестине. Поскольку интересы государства и выгоды русского акционерного капитала на Востоке, по мнению Б.П. Мансурова, «совершенно совпадают» — РОПТ предлагался в качестве *неполитического* инструмента, с помощью которого российское правительство должно было действовать в регионе.

В отношении русских паломников предлагалось упростить порядок получения паспортов и обменных операций с валютой, устроить постоянный приют, госпиталь и домовую церковь в Константинополе, Смирне и особенно в Бейруте. Первоначально проект предусматривал покупку у Иерусалимской Патриархии дома Порфирия, Архангельского и Феодоровского монастырей для размещения там консульства и Русской Духовной Миссии и части паломников. В конечном итоге предполагалось устройство в Иерусалиме первого русского монастыря. По расчетам Мансурова, после открытия прямого паромного сообщения между Россией и Палестиной, количество богомольцев должно было составить приблизительно 500 человек в год. Поэтому предлагалось изыскать возможность строительства лишь одного нового здания для паломников, но с возможностью его последующего расширения, причем не в самом городе, а недалеко от его стен вблизи Яффских или Дамасских ворот. (179, 181). Структурно программа Мансурова, состоявшая из 19 пунктов, предполагала появление в Иерусалиме русского консульства, агентства РОПиТ, русского монастыря и русского странноприимного дома: в совокупности эти учреждения должны были составлять единый организм русской паломнической инфраструктуры в Святой Земле. Разработанный в Морском министерстве проект Мансурова стал первой комплексной внешнеполитической программой России на Православном Востоке после Крымской войны. Со стороны российского МИД не было в тот момент предложено ничего иного, кроме восстановления деятельности Русской Духовной Миссии в Иерусалиме как церковно-дипломатического учреждения.

Из письма Б.П. Мансурова отцу

Иерусалим, 28 января
(9 февраля) 1857 г.

Мы до сих пор не можем довольно нахвалиться беспрестанными любезностями, которые оказываются нам как Преосвященным митрополитом, так и всею братиею иерусалимскою. Это приятная сторона жизни, но невозможно, живя здесь, вспоминать равнодушно об общем положении здешних христианских Церквей. Только здесь можно понять, до какой степени беспечна Европа и даже Россия в отношении к делам религии вообще, и Святого Гроба в особенности. Можно объяснить себе это в отношении к Западу, но что касается до России, то невольно приходят мысли осуждения и даже негодования. Между тем не знают, как легко было прийти Иерусалиму в помощь! и теперь возможно, только бы видна была система и основательное желание не упускать случаев. Слишком мало об этом думают, а дело это и святое, и таково, что поневоле надобно будет действовать. Чем позже возьмутся за ум, тем труднее будет, раскаются.— да поздно!

Перевод с французского И. Мироненко-Маренковой
ГА РФ. Фонд 990. Оп. 1. Д. 32. Л.60–60об.

Государственный канцлер князь Александр Михайлович Горчаков. Фото с портрета по случаю 50-летнего юбилея

ВОЗОБНОВЛЕНИЕ РУССКОЙ ДУХОВНОЙ МИССИИ В ИЕРУСАЛИМЕ — ПРОЕКТ А.М. ГОРЧАКОВА

Участие Министерства иностранных дел в судьбе Иерусалимского проекта до конца не выяснено. Часто реакция Министерства на постороннюю для него деятельность великого князя Константина Николаевича в церковно-дипломатическом пространстве Турецкой империи напоминала поведение ревнивца. Вопрос о святых местах и положение Православия на Востоке всегда были для Министерства предметом чисто дипломатическим. Специфика момента состояла в том, что поскольку всякая дипломатия вообще есть «только условное выражение военной внешней силы»¹ — российская дипломатия на Востоке после Крымской войны находилась в положении побежденной стороны. Для восстановления прежней деятельности в полном объеме нужно было время. Руководителям внешнеполитического ведомства только еще предстояло «поставить себе ясную и практическую цель среди затруднений настоящего»². В отличие от Морского министерства, в котором великий князь Константин Николаевич еще до войны сумел собрать многих талантливых самостоятельно мыслящих чиновников, А.М. Горчакову пришлось практически полностью перестраивать свое Министерство. Неудивительно, поэтому, что в начинавшейся новой русской деятельности в Палестине инициатива исходило не из его ведомства. В своем отношении к Иерусалимскому проекту умный и опытный дипломат А.М. Горчаков предоставил действовать силе вещей, доверяя ей больше, чем эмоциям и интригам. По слову исследователя дипломатии Горчакова, «при совместной деятельности его с великим князем Константином Николаевичем он был более осторожным из двух, великий князь — более отважным»³. Между собой их объединяло «живое чувство русского государя», которое было императивом в деятельности каждого и придавало ей «отпечаток высокого благородства»⁴.

1 Мансуров В.П. Православные поклонники в Палестине. СПб., 1857. С. 127–128

2 Отчет МИД за 1858 г. См.: Чичерин Г.В. Исторический очерк дипломатической деятельности А.М. Горчакова. М., 2009. С. 333

3 Чичерин Г.В. Исторический очерк дипломатической деятельности А.М. Горчакова. М., 2009. С. 332

4 Там же. С. 334

Епископ Кирилл (Наумов),
начальник Русской Духовной Миссии
в Иерусалиме 1858–1864 гг.

Сложная ситуация в государственном управлении империи начала нового царствования (1855–1860) породила атмосферу невольной внутриведомственной демократичности. В случае с МИД это означало, что и Дипломатическая Миссия в Константинополе, и консульские учреждения на Востоке получили довольно широкие инструкции и в своей деятельности не были ограничены какими-либо жесткими предписаниями. Не смотря на большое значение, восточная политика России оказалась предоставлена свободному течению естественных дипломатических дел — не более. В этом контексте положение великого князя как главы Иерусалимского проекта, представлявшего собой новую государственную программу на Востоке, естественным же путем делало его главой новой русской политики в регионе. Конечно, это не устраивало Горчакова. Но что можно было сделать с фактором великого князя, все действия которого отвечали желаниям императора, чью волю Горчаков всегда искренне уважал. Оставалось одно: придумать свой собственный Иерусалимский проект, который так же был бы важен для государя. Таким проектом стало возобновление деятельности Русской Духовной Миссии в Иерусалиме в 1857–1858 годах.

Русская Духовная Миссия в Иерусалиме создавалась Горчаковым в ответ на возросший после Крымской войны интерес со стороны Императорской Фамилии к святым местам как параллельная площадка для деятельности МИД в Иерусалиме и как традиционный для действий на Востоке инструмент внешней политики. Достаточно странным покажется то, что учреждение консульства в Иерусалиме, о котором говорили все русские дипломаты начиная с эпохи Александра I, со стороны Горчакова предложено не было. Наоборот, Миссия ставилась в подчинение генеральному консулу в Бейруте. Зато в инструкции, выданной Министерством новому начальнику Миссии в Иерусалиме епископу Кириллу (Наумову), была поставлена задача покупки земельных участков для последующего строительства на них элементов российской инфраструктуры. Этот пункт в деятельности РДМ создавал прямую конкуренцию с Иерусалимским проектом и впоследствии стал одной из причин конфликта между начальником Миссии и первым российским консулом в Иерусалиме В.И. Доргобужинным. Кроме того, повышение статуса начальника Миссии до епископа, предло-

Дом Порфирия в саду Иерусалимской патриархии, в котором располагалась Русская Духовная Миссия епископа Кирилла (Наумова) в 1858–1864 гг.
По рисунку Н. Благовещенского. 1860 г.

женное Горчаковым потому, что все остальные христианские конфессии уже были представлены в Иерусалиме своими архиереями, нарушило каноническое право Иерусалимского Патриарха и поставило русского епископа в Иерусалиме в прямую зависимость от дипломатической поддержки МИД и, наоборот, уменьшило его связь со Святейшим Синодом. Согласно российским представлениям, звание епископа было выше должности консула, что не могло не создавать дополнительные сложности в их взаимоотношениях. Расчет Горчакова оказался точным: когда трения между епископом Кириллом и консулом Доргобужинным достигли предела, МИД стал между ними в роли посредника, последовательно убрав из Святого Града сначала чуждого Министерству консула, а потом и ставшего неудобным епископа.

И все же восстановление Русской Духовной Миссии в Иерусалиме после Крымской войны открыло новую эру взаимоотношений Русской и Иерусалимской Православных Церквей. Инструкция МИД предписывала начальнику Миссии «не смотреть более на Церковь в Сирии и Палестине сквозь греческую призму.., а заботится прямо о настоящих интересах России»⁵.

⁵ Мансуров В.П. Православные поклонники в Палестине. СПб., 1857. С. 90

РАБОТИКИ «ПЕРВОГО ЧАСА»

Неизвестный художник.
Императрица Мария Александровна.
1850-е гг.

Мария Александровна (1824–1880) — российская императрица, супруга Александра II, негласная покровительница Русской Духовной Миссии в Иерусалиме. С 1858 г. основала при своем дворе негласный благотворительный комитет, ежемесячно пересылавший на имя начальника РДМ частные пожертвования. Оказывала поддержку епископу Кириллу (Наумову) в его конфликте с Палестинским Комитетом, но вынуждена была уступить, вследствие изменившийся позиции МИД. Епископ Кирилл был отозван из Иерусалима Св. Синодом по указанию императора Александра II в 1864 г. Затем до самой смерти она посылала деньги в Иерусалим архимандриту Антонину (Капустину). Последний чек дошел до адресата уже после получения известия о смерти августейшей благотворительницы. Когда в 1879 году Св. Синод принял решение о преобразовании РДМ в монастырь, только заступничество тяжело больной императрицы спасло Миссию от закрытия. Согласно проекту устава Восточного (будущего Палестинского) Общества, разработанного в начале 1880 г., Мария Александровна должна была стать первым его председателем. После ее кончины по совету архимандрита Антонина (Капустина), в память об августейшей покровительнице Святой Земли, в Гефсимании на Елеонской горе на средства ее детей: императора Александра III и великих князей Сергея и Павла Александровичей, был воздвигнут мемориальный храм во имя св. равноапостольной Марии Магдалины.

Александр II Освободитель (1818–1881) — российский император (1855–1881), открывший эпоху преобразований. Возобновил с 1857 г. Русскую Духовную Миссию в Иерусалиме, в 1858 г. учредил Иерусалимский (с 1859 г. — Палестинский) комитет, был одним из основателей Русского Иерусалима, в 1859 г. выделил на строительство богоугодных заведений в Святом Граде 500 000 рублей и учредил во всех церквях империи особый кружечный сбор на улучшение быта русских православных паломников в Палестине.

Головнин Александр Васильевич (1821–1886) — личный секретарь, друг и биограф великого князя Константина Николаевича, один из разработчиков Иерусалимского проекта. Во время длительного путешествия великого князя по Европе в 1858–1859 гг. убедил его в необходимости совершить паломничество в Иерусалим, несмотря на жесткое противодействие МИД и лично А.М. Горчакова. Вместе с Б.П. Мансуровым подготовил программу пребывания великого князя с супругой и сыном на Святой Земле с 1 по 10 мая 1859 г. После назначения Константина Николаевича наместником Царства Польского и отъезда его в Варшаву с 1862 по 1864 гг. возглавлял Палестинский Комитет. Был наиболее последовательным сторонником сохранения надправительственного и надконфессионального статуса, который приобрела русская деятельность в Палестине под руководством великого князя Константина Николаевича.

Доргобужин Владимир Ипполитович (1822–1887) — участник Крымской войны, в 1855 г. в должности чиновника по особым поручениям Морского министерства, отвечал за организацию морских госпиталей и размещение раненых моряков, поступавших из Севастополя в Николаев. Товарищ по службе Б.П. Мансурова. По его протекции в 1858 г. получил назначение на должность первого в истории Иерусалима русского консула. В 1858–1859 гг. занимался покупкой и оформлением земельных участков в Иерусалиме и его окрестностях. Осенью 1859 г. организовал проведение подготовительных работ по строительству русских странноприимных заведений на участке близ Яффских ворот. В 1860 г. в результате конфликта с начальником Русской Духовной Миссии в Иерусалиме вынужден был просить увольнения от службы и

после продолжительного лечения за границей с 1861 г. вновь зачислен в штат Морского министерства на прежнюю должность чиновника по особым поручениям. С 1867 по 1878 гг. исполнял должность костромского губернатора.

Оболенский Дмитрий Александрович (1822–1881) — один из «новых людей», привлеченных великим князем в Морское министерство. В 1853 г. возглавил Комиссариатский департамент, в который с 1858 года поступали все пожертвования и сборы на улучшение быта русских православных поклонников в Иерусалиме. Принимал участие в разработке Иерусалимского проекта, замещал великого князя в должности председателя Палестинского комитета во время его отсутствия. Весной 1858 г. совершил паломничество в Иерусалим, прибыв туда на первой седмице Великого поста через неделю после водворения в Святом Граде Русской Духовной Миссии.

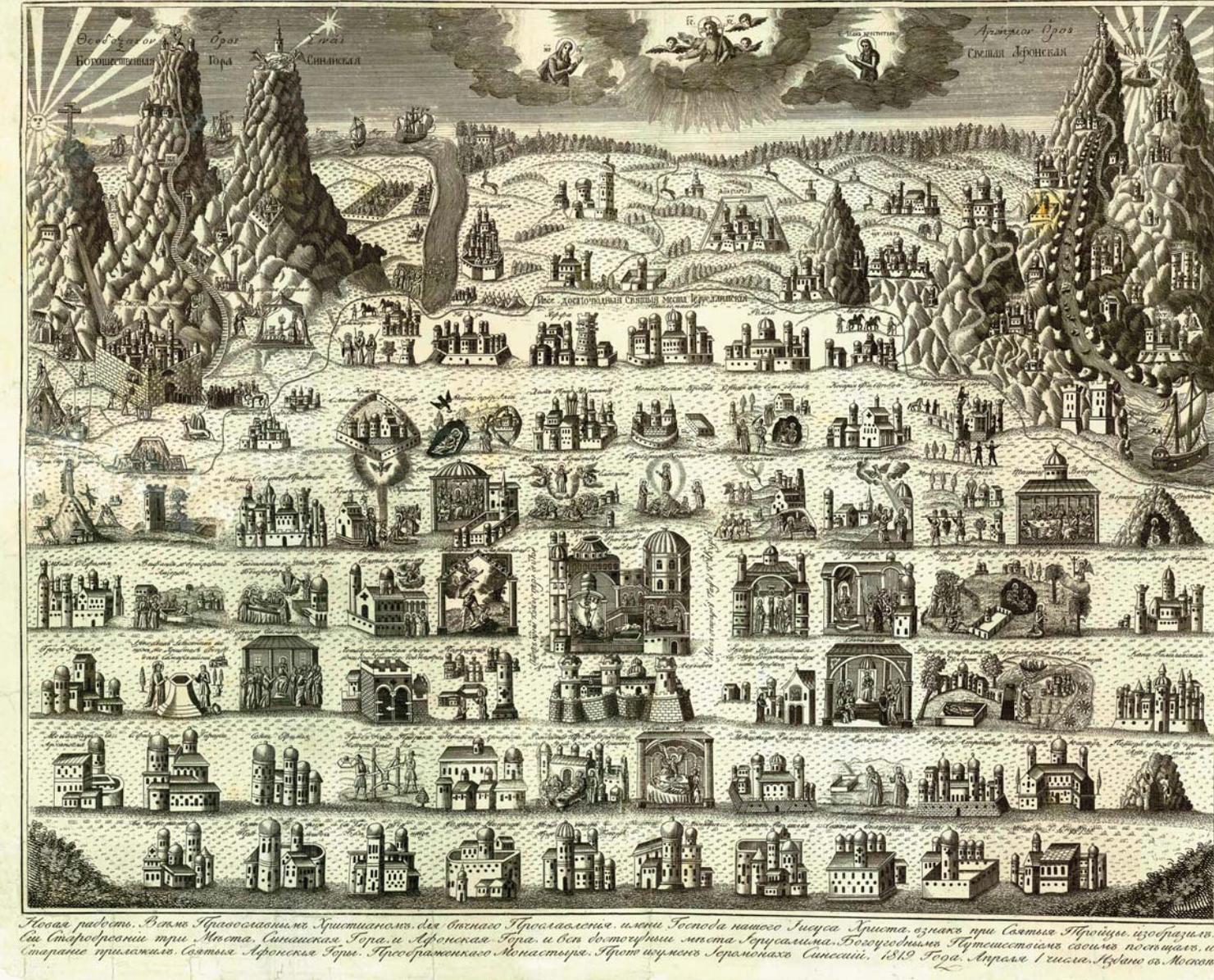
Порфирий (Успенский) (1804–1885) — архимандрит, впоследствии епископ, начальник первой Русской Духовной Миссии в Иерусалиме (1847–1854), ученый, путешественник, исследователь Афона и Православного Востока. В 1857 г. через фрейлину А.Ф. Тютчеву подал императрице Марии Александровне мысль об учреждении благотворительного Восточного общества для строительства храмов, приютов, больниц и помощи нуждающимся христианам на Востоке. Был привлечен великим князем Константином Николаевичем как эксперт для участия в разработке Иерусалимского проекта. Благодаря настоянию великого князя весной 1858 г. в третий и последний раз получил командировку на Восток для сопровождения Б.П. Мансурова и М.И. Эппингера в Иерусалим. В связи с длительной задержкой своих спутников отправился один на Афон с заданием выбрать участки земли для покупки и последующего строительства на Святой Горе русского паломнического приюта. В Иерусалим, Порфирий прибыл 19 февраля 1860 г. Вернувшись в Россию в июле 1861 г. Порфирий полностью посвятил себя научной работе по созданию фундаментальной Истории Афона и др.

Леонид (Кавелин) (1822–1891) — архимандрит, иеромонах второй Русской Духовной Миссии в Иерусалиме (1857–1859) и начальник третьей Миссии (1864–1865). Познакомился с великим князем Константином Николаевичем во время его паломничества в Иерусалим в 1859 г. Отказался от звания члена миссии по собственному прошению и летом 1859 г. вернулся в Россию в Оптину Пустынь. Участвовал в Иерусалимском проекте, написал совместно с Б.П. Мансуровым Отчет о мерах, принятых для устройства быта русских паломников в Иерусалиме, затем по просьбе великого князя совместно с А.С. Норовым должен был отправиться вновь в Иерусалим для составления специального путеводителя для православных паломников в Святую Землю, но вынужден был отказаться от этой поездки. В качестве начальника РДМ 28 июня 1864 г. освятил первый русский храм в Палестине — домовую церковь Миссии во имя царицы Александры Мученицы. Впоследствии издал книгу «Старый Иерусалим и его окрестности», остающуюся до сего дня лучшим описанием Святого Града на русском языке.

Норов Авраам Сергеевич (1795–1869) — паломник-писатель, епитроп Святого Гроба, знаток Православного Востока. Участвовал в разработке Иерусалимского проекта в качестве эксперта по паломничеству. В 1860 г. планировалась его совместная с о. Леонидом (Кавелиным) поездка в Иерусалим для составления путеводителя для православных паломников. По не зависящим от него обстоятельствам в 1861 г. отправился в Святую Землю без о. Леонида в сопровождении племянника Льва Поливанова. По возвращении вел обширную переписку с Иерусалимским Патриархом Кириллом II, начальником РДМ епископом Кириллом (Наумовым), различными православными иерархами на Востоке. Предпринял научное издание «Хождения» игумена Даниила с собственным комментарием на французском языке. Поддерживал литературные опыты Леонида (Кавелина), посвященные описанию святых мест. Вступился за него перед Иерусалимским Патриархом во время нестроений в Духовной Миссии в 1865 г. До самой смерти занимался подготовкой к изданию описания своего второго путешествия на Восток.

Карта святых мест Палестины.
Гравюра второй половины XVIII в.

СТРОИТЕЛИ РУССКИХ ПОДВОРИЙ В ИЕРУСАЛИМЕ

¹ «В настоящий день (24 февраля) было заседание у великого князя Константина. Заседали министр Горчаков, Брок, Норов, синодальный обер-прокурор, директор Азиатского департамента Ковалевский и Мансуров. Решено: 1. подпискою во всей России приобрести капитал на улучшение участи наших поклонников в Иерусалиме, а отчетность в приходах и расходах вести в комиссариате Морского министерства. (Согласно с моим предположением, поставлены были кружки во всех церквах наших, городских и сельских); 2. отпустить в Палестину сестер милосердия; 3. учредить домовые церкви у наших консулов в Смирне, Бейруте и Александрии; 4. отправить врачей на Восток для службы; 5. увеличить число лиц нашей Миссии Иерусалимской и к штату ее прибавить 3000 рублей, на что согласился и министр финансов Брок; 6. учредить консульство в Иерусалиме на первый раз, в зависимости от бейрутского генерального консульства нашего; 7. отправить временную экспедицию на Восток и меня вместе с нею. Предполагалось содержать весь арабский причт в Палестине иждивением России». См.: Порфирий (Успенский) Книга бытия моего. Т. 7. СПб., 1901. С. 154-155

² Письма из Иерусалима от 29 октября/12 ноября 1858 г. ГА РФ. Ф. 990. Оп. 1. Л. 90б.

Строители Русских подворий и члены Русской Духовной Миссии в Иерусалиме. 1858 г.

Отчет Б.П. Мансурова был доведен великим князем до императора. В период обсуждения будущих Великих реформ в Петербурге общепринятой формой стали многочисленные комитеты. Поэтому и при обсуждении темы русского паломничества возник «Иерусалимский комитет». Собрания его в 1858 году проходили под председательством великого князя, а решения заносились в особые журналы, подлежащие утверждению государем. Об одном из них упоминает Порфирий (Успенский)¹.

Осенью 1858 г. в Иерусалим была отправлена внушительная делегация в составе: Б.П. Мансурова, Н.Н. Новосельского, архитектора М.И. Эппингера. Им предстояло определить место для строительства паломнических подворий, и собрать предварительный материал для составления проекта построек. С епископом Кириллом Мансуров сумел наладить рабочие взаимоотношения, обсуждал с ним все планы и обещал ничего не делать против его воли. Краеугольным камнем был вопрос о покупке земли, поскольку епископ Кирилл считал, что она должна быть оформлена на его имя. «Мои дела принимают довольно тяжелый и серьезный оборот, сообщает Мансуров отцу, потому что мы приближаемся к развязке. Встречается множество сложностей, и мне очень трудно делать то, что я хочу и что нужно, но легкая победа не приносит славы.»² На обратной дороге в Константинополе Мансуров получил аудиенцию у султана и был представлен Его Величеству. Султан Абдул-Меджид милостиво поговорил с Мансуровым, хотя обычно в таких случаях ограничивался только кивком головы и предложил осмотреть его дворец. Аудиенция была частная, других турок не было, все приглашенные были просто во фраках и белых галстуках. Возможно это посещение стало прелюдией того феерического успеха, который имел визит великого князя в Иерусалим и Константинополь в мае-июне следующего 1859 года.

ПЕРВОЕ РУССКОЕ АВГУСТЕЙШЕЕ ПАЛОМНИЧЕСТВО В 1859 ГОДУ

Посещение Иерусалима августейшей четой Русского Императорского Дома состоялось в рамках большого плавания русской эскадры по Средиземному морю в 1858–1859 гг. В истории всей этой поездки много интригующего. Маршрут путешествия не был спланирован, любое передвижение великого князя утверждалось императорским письмом. Отъезд великого князя из России почти на год в разгар подготовки реформ был вероятно связан с интригами против него при дворе и в высших бюрократических сферах. Вопрос о посещении великим князем Палестины еще в Петербурге натолкнулся на категорическое сопротивление князя Горчакова¹ и был попросту снят с обсуждения. Перед отъездом великий князь решительно заявил, что собирается заниматься только морским делом и видит себя только генерал-адмиралом русского флота². Но находясь во главе эскадры, великий князь получал как бы законное с дипломатической точки зрения право без дополнительных согласований перемещаться по всему региону Средиземного моря. Еще в Петербурге было запланировано и одобрено посещение августейшей четой Греции³ ради встречи Пасхи на православной земле⁴. А из Греции было рукой подать до Палестины.

Прибыв вместе с эскадрой к берегам Италии августейшее семейство поселилось на вилле в окрестностях Палермо, которая стала штабом великого князя. Туда стекалась к нему корреспонденция из России, там он принимал приезжавших к нему людей, оттуда он рассылал распоряжения и письма. В этом загородном поместье была разработана и запущена интрига, целью которой было получить одобрение иерусалимского путешествия от императора. Для этого Константин Николаевич вызвал в Италию Б.П. Мансурова, которого предполагал отправить к государю с письмом и

1 ГА РФ. Ф. 990. Б. П. Мансуров. Оп. 1. Д. 227. Л. 23–23 об.

2 ГА РФ. Ф. 990. Б. П. Мансуров. Оп. 1. Д. 227. Л. 23 об.

3 См. письмо к Александру II от 16/28 ноября 1858 г. в кн.: Переписка Императора Александра II с Великим Князем Константином Николаевичем... С. 73–74

4 Уступая настояниям князя Горчакова, переданным по телеграфу, эскадра пришла в Афины лишь на второй день Пасхи.

Великий князь Константин Николаевич на палубе фрегата «Генерал-Адмирал». Фото начала 1860-х гг.

Августейшие паломники: великий князь Константин Николаевич с супругой великой княгиней Александрой Иосифовной и старшим сыном Николаем. 1859 г.

устным докладом. Об этом плане великого князя сообщил Мансурову А.В. Головнин. «Его Высочество намерен теперь:

1. По Вашем приезде сюда поговорить с Вами подробно о поездке его в Иерусалим.

2. Если Вы признаете оную полезною и не представляющую неудобств, отправить Вас в Петербург с письмом к государю, которого просить: а) расспросить Вас подробно обо всех восточных делах; б) просить дозволения Его Величества ехать в Иерусалим; в) просить Государя командировать Вас за границу от Морского ведомства бессрочно для окончания начатых дел.

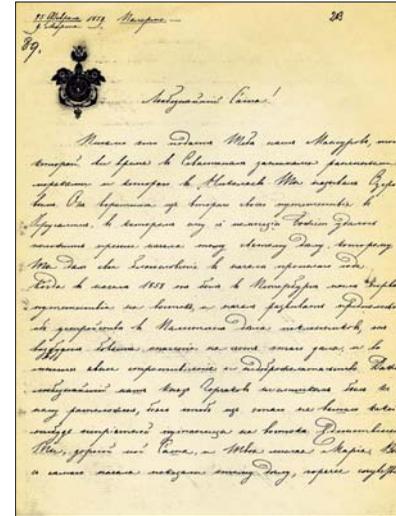
3. Если Государь согласится на поездку великого князя Вам необходимо будет привезти это согласие в Грецию и условившись с нами отправиться в Палестину, устроить там все, что нужно, встретить великого князя в Бейруте или Яффе и сопровождать во все время путешествия по Святой Земле. <...>

25 февраля 1859 года Мансуров выехал из Палермо в Петербург с письмом, в котором великий князь просил императора принять своего посланца лично и разрешить августейшей чете посетить Иерусалим. От себя Константин Николаевич писал: «... Из Афин до Палестины всего 4 дня ходу, и я полагаю, что если находясь так близко от нее, я ее миную, это произведет на всем Востоке гораздо худшее впечатление, показывая со стороны России какую-то холодность и пренебрежение к делам Православия. <...> Для меня же и для моей милой жинки это было бы величайшим утешением, благословением нашего семейного счастья и драгоценным воспоминанием на всю жизнь. Я убежден, что Ты в Твоем добром сердце это поймешь и разделишь наше желание. С упованием буду ждать Твоего решения. Но какое бы оно ни было, Ты вперед, разумеется, знаешь, дорогой Саша, что я ему безропотно покорюсь, как Твой верный слуга»⁵.

Вместе с фельдъегерем великий князь отправил письмо к А.М. Княжевичу, в котором, сопоставляя тяжесть финансового положения России и выгоды для нее же от реализации иерусалимского дела писал, что «предпринятое на Востоке дело может принести столь обильные и благие результаты для нашей Церкви и для нашего политического влияния, что, без всякого сомнения, правительству более чем выгодно было бы не отказать для сего от некоторого, незначительного пожертвования, коим все дело богоугодное обозначилось бы одним разом к славе и пользе нашего отечества»⁶.

5 Там же. С. 97

6 Дмитриевский А. А. Императорское Православное Палестинское Общество и его деятельность за истекшую четверть века: 1882–1907. М.; СПб., 2008. С. 102

Письмо великого князя Константина Николаевича императору Александру II от 25 февраля 1859 г. из Палермо в котором содержится просьба разрешить ему совершить паломничество в Иерусалим

7 ГА РФ. Ф. 990 Мансуров Б. П. Оп. 1. Д. 35. Письма П. Б. Мансурову. Л. 19

8 ГА РФ. Ф. 990. Оп. 1. Д. 35. Л. 30–30 об.

9 ГА РФ. Ф. 990 Мансуров Б. П. Оп. 2. Д. 35. Л. 8 об.–9 об.

Стремительность Мансурова поражает. В пятницу 13 марта он был уже в Петербурге, где, по его же словам, нашел все иерусалимское дело «совершенно испорченным и заклеянным решительным отказом Министерства иностранных дел... До моего приезда все мои представления 5 недель лежали под сукном с надписью *К сведению*»⁷. В субботу утром Мансурова принял император. «Я сделал императору доклад в час с четвертью, по окончании которого он одобрил и утвердил все, даже 500 тыс.руб., которые я просил, и заявил, что отныне берет мое дело под свое личное особое покровительство. Другим должностным лицам Его Величество сказал, что хочет, чтобы теперь меня рассматривали не как лицо, отстаивающее собственные проекты, а как *исполнителя прямой, личной и сердечной воли Его Величества*. Господь дал мне мужество не смутиться и не дрожать перед Его Величеством, я говорил прямо и открыто и получил одобрение, так что в конце доклада Император сам пригласил меня поужинать с ним в тот же день вместе с кн. Горчаковым и Оболенским, и объявил князю, чтобы на первый доклад он взял меня с собой, чтобы дать ему окончательные распоряжения.

Мое дело получило полный успех, и Император соизволил поблагодарить меня весьма любезно за все хорошее, что я сделал. Его Величество повторил несколько раз: не теряйте мужества и всегда рассчитывайте на меня, теперь Вам покровительствую я. Я знаю, что повсюду Вы встречаете мало сочувствия, я сумею Вас поддержать, потому что сам теперь хочу, чтобы Вы преуспели. То, о чем Вы просите, справедливо, я считаю, что это можно исполнить и это будет исполнено»⁸. Судя по записной книжке Мансурова⁹ двор буквально разрывал его по частям. Он ужинал у великой княгини Елены Павловны, пил чай с императрицей матерью, завтракал с наследником престола, почти ежедневно посещал императрицу Марию Александровну. Последний доклад у Государя состоялся 30 марта, а на следующий день Мансуров уже выехал из Петербурга и 15 апреля прибыл в Афины.

28го апреля, в 1 час пополудни
 Великий князь Константин
 Николаевичъ прибыл на Афонскій
 рейдъ на фрегатахъ. Грошевой подъ
 Генералъ Адмиралъ и великий флагманъ
 въ сопровождении фрегата. Мал-
 канъ. Лишь только фрегатъ сталъ
 на якорь, прибыли къ Его Высоче-
 ству Д. В. В. Мансуровъ, Генералъ-
 ный Консулъ въ Сиріи и Палестинѣ
 и Мухоминъ, Консулъ въ Герусалимѣ
 и Дорогобужиновъ и вице-Кон-
 сулъ въ Афонъ Маравунтти. Черезъ
 часъ послѣ того, Государь Вели-
 кій князь, Государиня Великая
 княгиня и Великий князь
 Николай Константиновичъ
 съехали въ городъ, которого тер-
 расы и набережныя были покра-
 сны.

Черезъ несколько часовъ прибылъ туда же
 корабль Гембузанъ.

Журнал путешествия
 великого князя Константина
 Николаевича в Иерусалим в 1859 г.

Вид Яффы.
 Акварель. М. Воробьев

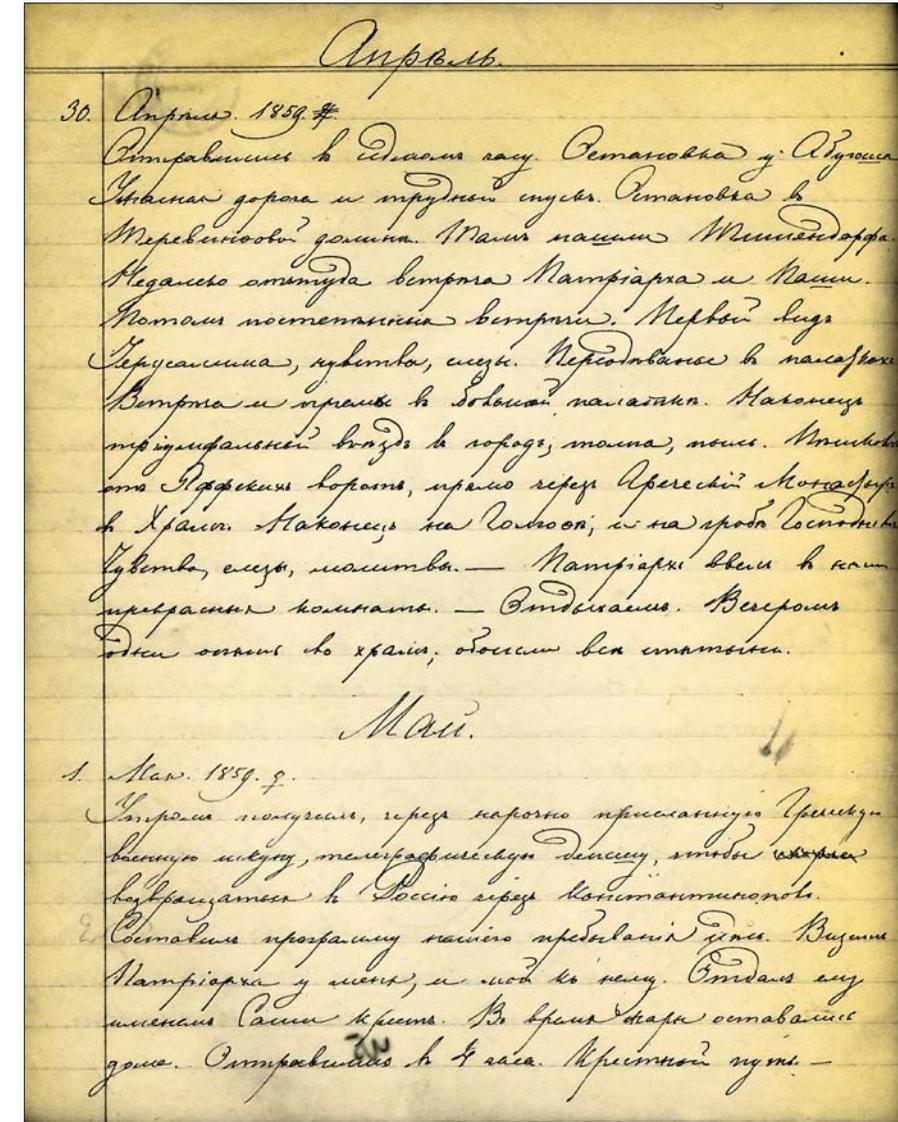
Въезд августейших паломников
в Иерусалим. Рисунок из книги
K. Tischendorf. Aus dem heiligen Lande.
Leipzig, 1862.

Миссия его была чрезвычайно удачна. Государь разрешил Константину Николаевичу поездку в Иерусалим, утвердил все, что предлагал в своем докладе Мансуров для Палестины, учредил Палестинский комитет и выделил 500 000 рублей на строительство русских подворий в Иерусалиме. Более того, по его поручению МИД согласовал с Портой все намерения российского правительства относительно приобретения земель и строительства паломнических подворий. В Грецию Мансуров привез подлинный фирман султана, подтверждавший полученные Россией права. На встречу великого князя из Константинополя султан послал Иерусалимского Патриарха Кирилла II.

Великий князь оставил Грецию 24 апреля, а 28-го был уже на Святой Земле где он оставался до 11 мая 1859 года.

Патриарх Иерусалимский Кирилл II.
Гравюра начала 1860-х гг.

Лист из дневника великого князя Константина Николаевича
с описанием прибытия в Иерусалим.

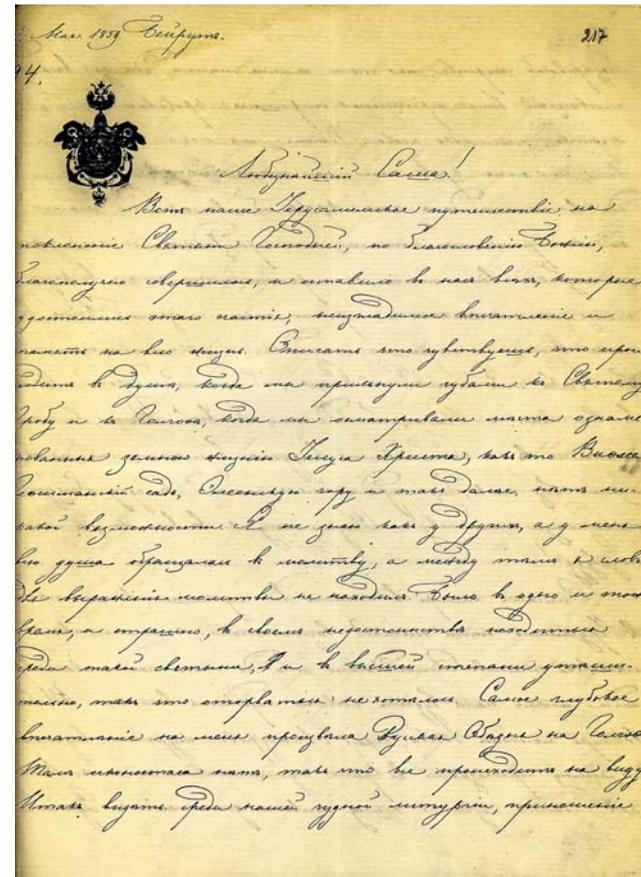
Письмо великого князя Константина Николаевича императору Александру II

Бейрут. 13/25 мая 1859.

Любезнейший Саша!

Вот наше Иерусалимское путешествие на поклонение Святыне Господней, по благословию Божию, благополучно совершилось и оставило в нас всех, которые удостоились этого счастья, неизгладимое впечатление и память на всю жизнь. Описать, что чувствуешь, что происходит в душе, когда мы прильнули губами к Святому Гробу и к Голгофе, когда мы осматривали места, озаменованные земною жизнью Иисуса Христа, как-то: Вифлеем, Гефсиманский сад, Элеонскую гору и так далее, нет никакой возможности. Я не знаю, как у других, а у меня вся душа обращалась в молитву, а между тем я слов для выражения молитвы не находил. Было в одно и то же время и страшно в своем недостойнстве находиться среди такой Святыни, и в высшей степени утешительно, так что оторваться не хотелось. Самое глубокое впечатление на меня произвела Русская Обедня на Голгофе. Там и иконостаса нет, так что все происходит на виду. И так видеть среди нашей чудной литургии приношение Бескровной Жертвы, на Том Самом Месте, где за весь род человеческий была принесена страшная кровавая Жертва, слышать слова: «Пите от нее вси, сие есть кровь моя» на том месте, где в самом деле эта кровь обливала то Место, на котором мы стояли, это производило такое ужасное и глубокое впечатление, что решительно этого выразить нельзя, я не плакал, а просто таял слезами. Было в то же время и страшно, и сладко, и утешительно. Мысли об Тебе, мой милейший Саша, об нашей дорогой Мама, об вас всех, о Папа, об Адине, об всей России, все это сменялось и смешивалось в душе бессознательно и обращалось без слов, без определенных мыслей в одну общую несказанную молитву. Обедню эту я во всю жизнь мою не забуду!

Описать теперь в письме все путешествие и пребывание в Иерусалиме нет никакой возможности, это составило бы несколько томов. Откладываю это до того счастливого времени, когда можно нам будет словесно передать все это Тебе. Теперь посылаю Тебе через Мансурова, журнал, веденный по моему приказанию во время путешествия, а сам Мансуров может служить тому живым дополнением. Здесь только прибавлю, что все путешествие совершилось чрезвычайно благополучно, жары не были столь сильны, как по времени года можно было ожидать, и трудную дорогу по Иудейским горам

Письмо великого князя Константина Николаевича императору Александру II от 13/25 мая 1859 г. из Бейрута с описанием своего паломничества

жизнь моя вынесла очень хорошо и терпеливо. Все происходило весьма прилично, встреча была великолепная, и старик Патриарх из кожи лез, чтоб нам угодить. Я принял от него просьбу насчет имений Святого Гроба в Дунайских княжествах, которые хотят от них отнять, чрез это здешняя церковь будет поставлена в безвыходное положение, не будет в состоянии поддерживать своего достоинства и, главное, не будет в состоянии бороться против сильной и богатой латинской пропаганды. Наше дело устройства русского поклонничества пойдет, надеюсь, на лад. Купленные земли прекрасно выбраны, утверждены за нами фирманами, и, надеюсь, что иерусалимский паша нам будет помогать. Станиславская лента которую я вручил ему Твоим именем, тоже этому поможет. В отношении к нашему Преосвященному Кириллу я тоже исполнил Твое поручение и надеюсь, что если мы и не достигнем с его стороны сочувствия и поддержки консульству, то, по крайней мере, избегнем явного противодействия. Подробности про все это может Тебе передать Мансуров, которым я был очень доволен и которому мы обязаны всем благополучно совершенным путешествием. Из Яффы мы должны были зайти сюда в Бейрут за углем и пойдем отсюда через Архипелаг к Дарданеллам, надеясь на дороге встретиться с «Баяном», который должен привезти Твоего апрельского курьера. Он мне очень важен, чтоб при теперешних политических обстоятельствах знать Твою окончательную волю на наш счет. До сих пор мы только знаем через телеграфическую депешу кн <язя> Лобанова, что Тебе

угодно, чтоб мы возвращались через Константинополь. Посему мы и расплагаем теперь наш путь к Дарданеллам в ожидании «Баяна», и надеюсь, что сами будем в дорогом нашем Отечестве скоро по получении Тобою этого письма. Через Мансурова посылаю Тебе также представление к награде некоторых здешних лиц, которое, мне кажется, по здешним обстоятельствам и для пользы нашего дела совершенно необходимо. Прошу на это милостивого Твоего снисхождения.

Прощай, дорогой мой Саша, обнимаю Тебя от всей души, до, надеюсь, скорого свидания.

Твой верный брат Константин.

ПАЛЕСТИНСКИЙ КОМИТЕТ

Его Величество турецкий султан Абдул-Меджид в память о посещении великим князем Константином Николаевичем Иерусалима и Константинополя подарил русскому правительству большой участок государственной земли к северо-западу от Святого Града. Демонстративный подарок султана существенно ускорил и упростил процедуру оформления других русских земельных приобретений в Иерусалиме. В результате в конце 1859 г. в собственности российского правительства оказался обширный участок недалеко от Яффских ворот Святого Града. Для реализации программы строительства на нем русских паломнических приютов в Петербурге, под председательством великого князя Константина Николаевича, летом 1859 г. был учрежден специальный Палестинский комитет.

Подготовительные работы близ стен Иерусалима начались осенью того же года под наблюдением первого российского консула В.И. Доргобужина. Русский участок представлял собой три площадки, последовательно спускавшиеся с запада на восток. На нем обнаружили три старые цистерны, которые были очищены от земли и отремонтированы. Решено было устроить еще одну новую цистерну, чтобы к сезону дождей иметь возможно большее количество резервуаров.

Зимой 1860 г. по всему периметру участка началось строительство оградной стены и двух домиков — для сторожей и служб, шла заготовка извести и облицовочного камня, а также выломка строительного камня на самой территории участка. Забегая вперед, нужно признать, что все работы, проведенные еще до официального утверждения планов и смет построек в апреле 1860 г., оказались как нельзя кстати. Когда летом 1860 г. из Херсона и Одессы кораблями РОПиТ началась доставка больших партий леса, железа и других строительных материалов, они

Б.П. Мансуров. Ницца. 1861 г.

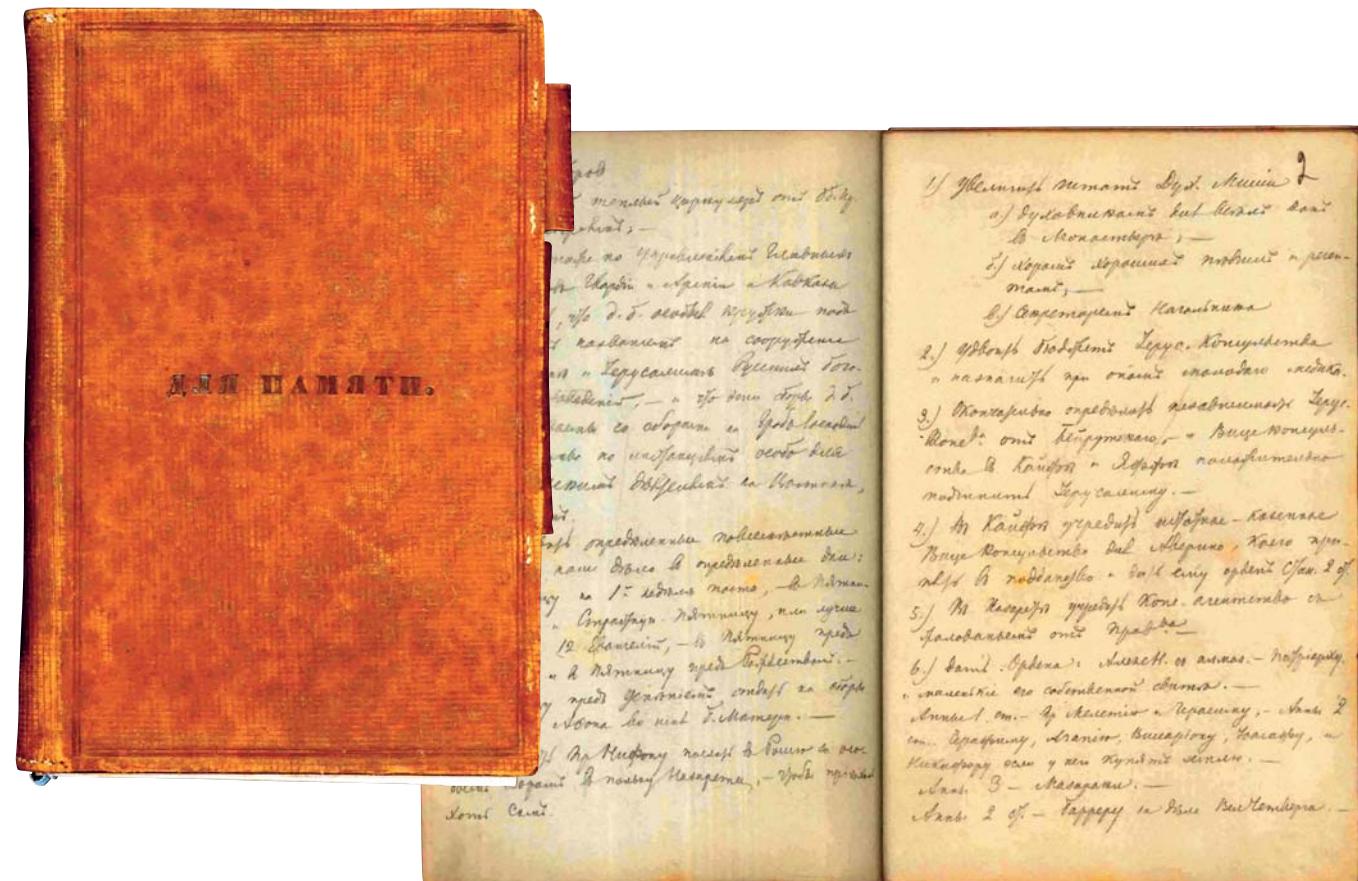
На предыдущей странице:
Богоугодные заведения, строящиеся
близ Яффских ворот города Иерусалима.
Вид на восток. Литография. 1860 г.

1 Рисунки были представлены великому князю в начале июня 1860 г., и он «приказал редакции Морского сборника налитографировать их со всевозможным тщанием». Письмо А.В. Головинина Б.П. Мансурову от 7 июня 1860 г. ГА РФ. Ф. 990. Оп. 1. Д. 228 Л. 14

2 Мансуров Б.П. Отчет о мерах, принятых к улучшению быта русских православных поклонников в Палестине. СПб., 1860. Цензурное разрешение датировано 15 октября 1860 г.

складировались уже на огороженной территории в специально приспособленных местах.

Проект Русских построек в Иерусалиме был выполнен архитектором Мартыном Ивановичем Эппингером в соавторстве с его старшим братом Федором Ивановичем. Ввиду сжатых сроков, отпущенных для архитектурной разработки всего проекта, братьям пришлось разделить работу. Но исполнял должность Главного строителя и возводил здания в Иерусалиме именно Мартын Иванович, по ходу вносящий изменения в проекты иерусалимских сооружений. Одной из загадок выглядит появление на территории построек отсутствующего в сметах бассейна. На литографированных большим тиражом видах будущей русской колонии этот бассейн составляет устойчивый центр всей композиции. Вероятно, его строительство связано с желанием архитектора сохранить композицию понравившихся Константи-ну Николаевичу рисунков. Характерно, что вместе с бассейном и контрфорсными стенами, отсутствовавшими в генеральной смете, на литографии изображены двухэтажные женское и мужское подворья. Это говорит о том, что рисунок был выполнен художником после утверждения смет, но до того времени, когда Эппингер принял решение понизить этажность паломнических приютов¹. История архитектурной части проекта Русских построек в настоящее время еще не получила всестороннего исследования. Некоторый материал может дать изучение современных им планов Иерусалима. Изданные в начале 60-х гг. в Петербурге карты Святого Града имели в своей основе привязанные к местности чертежи зданий Русских построек, выполненные Эппингером после его возвращения со Святой Земли в 1858 году. На них можно обнаружить характерные отличия. Например, на одном плане здание Русской Духовной Миссии названо Мужским флигелем, напротив которого расположен Женский флигель; оно не имеет еще внутреннего креста, центром которого стала домовая церковь Миссии во имя царицы Александры. Не на всех планах определены границы участка. Только план, помещенный в отчет наиболее осведомленного Б.П. Мансурова², воспроизводит современный вид здания РДМ, но на нем отмечено еще и здание приюта для благородных паломников, исключенное из сметы до утверждения ее императором, которое состоялось 21 апреля 1860 г. Возможно, что в самом первом приближении на русском участке у Яффских

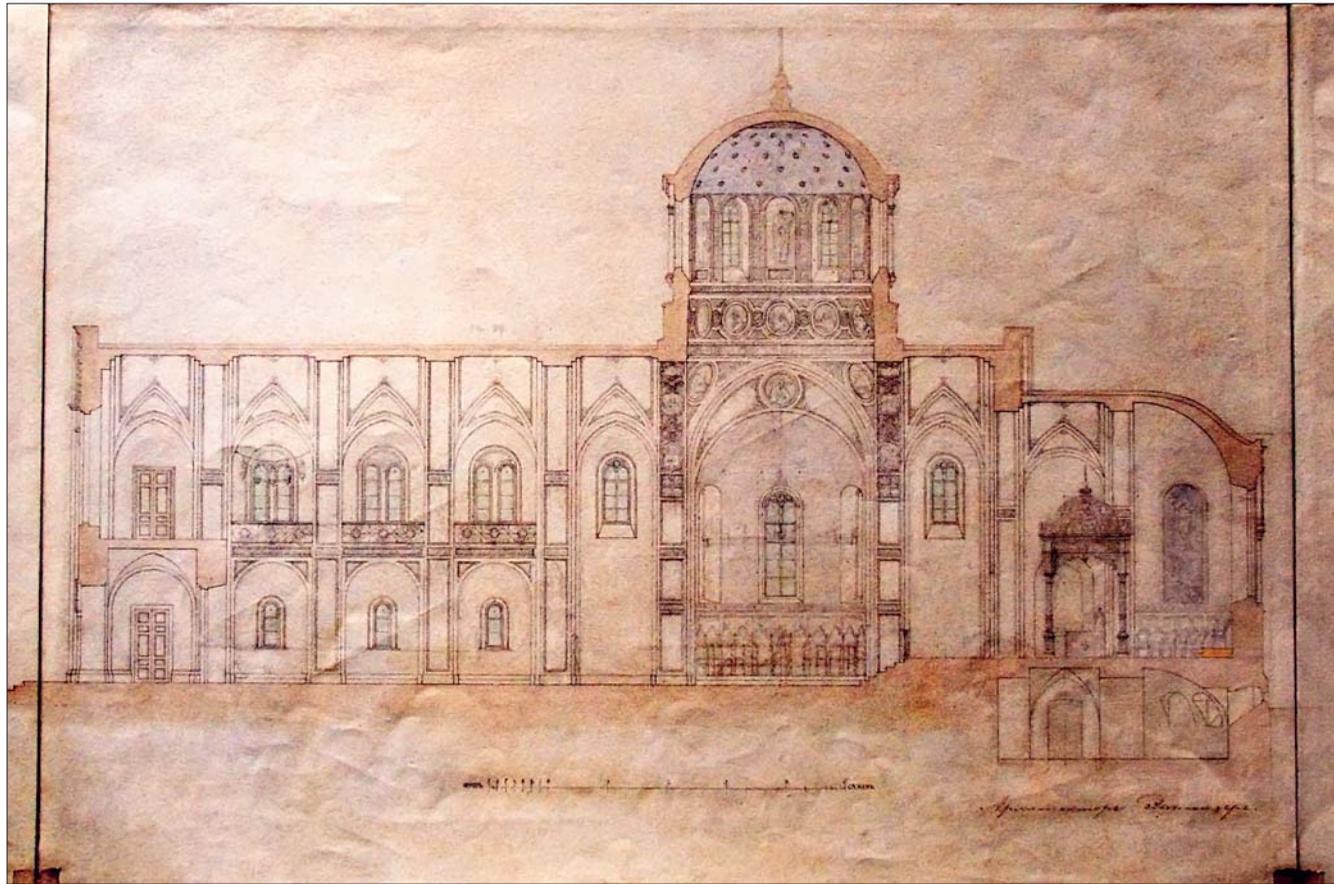
Записная книжка Б.П. Мансурова
с материалами его поездки на Восток и
в Санкт-Петербург в 1859 г.

ворот предполагалось построить здания только для размещения и обслуживания паломников. Вся архитектурная композиция была основана на двух симметричных зданиях мужского и женского приютов и величественного пятиглавого собора в центре между ними. Службы и конюшни располагались в нижней части участка. В отдалении от приютов и служб предполагался дом для благородных паломников. Идея разместить Миссию на территории построек появилась немного позднее и сама по себе была совершенно правильной. Но поскольку денег на строительство отдельного здания не было (пришлось даже отказаться от устройства благородного приюта), пришлось разместить Миссию в зда-

Богоугодные заведения,
строющиеся близ Яффских
ворот города Иерусалима.
Вид на запад. Литография. 1860 г.

Ф.И. Эппингер. Проект Троицкого Собора в Иерусалиме. 1859–1860 гг.

новые для них специальности. Уже через год на работах числилось 300 профессиональных каменщиков и каменотесов из арабов. Их руками возводились все новые кварталы за стенами Святого Града в 60-х и 70-х гг. XIX в., а также русские храмы и приюты архимандрита Антонина (Капустина).

Специфика восточного менталитета требовала особой организации работ на постройках. Рабочими руководил старший мастер из России. Ему в помощь были поставлены десятники и присмотрщики из местных арабов. У ворот и калиток расстав-

Фотография строительства Троицкого собора в Иерусалиме 1862–1863 гг.

лены сторожа «из африканцев», вероятно христиан-абиссинцев, имевшие право выпускать работавших в течение дня за ограду только по личному разрешению старшего мастера.

На Русских постройках в разные периоды трудилось от 800 до 1200 человек ежедневно. При расчетах с палестинскими рабочими был установлен следующий порядок. Составлялся общий список рабочих с указанием поденной стоимости труда каждого, календарной сеткой и отметкой, на каком здании должен работать имярек. Затем, дважды в день, делали переключку, удостоверяться, что

Вид Русских построек с запада.
Фото конец 1860-х гг.

все находятся на своих местах. Ко дню расчета из банка запрашивалась примерная сумма денег. Каждого рабочего-араба вызывали поименно, опрашивали, сколько дней он был на работе, и после сверки со списком ему выдавали положенную сумму.

На работы и материалы, которые строитель заказывал на стороне, как-то: подготовка камня, извести, железа, оконных и дверных комплектов, стекол и пр., а также производство столярных, стекольных, малярных, кровельных и др. работ составлялись контракты. В частности, можно упомянуть о контракте со столярным мастером Даниэлем Гаттасом, заключенном на изготовление наружных дверей для Троицкого собора из разноцветной древесины⁴.

Отчеты о произведенных работах и сделанных выплатах отправлялись архитектором в Палестинский Комитет каждые три месяца. В конце каждого года составлялся особый годовой отчет.

Местные условия и ход строительства довольно часто вынуждали Эппингера отклоняться от утвержденного проекта и статей сметы. Так было с мужским приютом, который при сохранении рас-

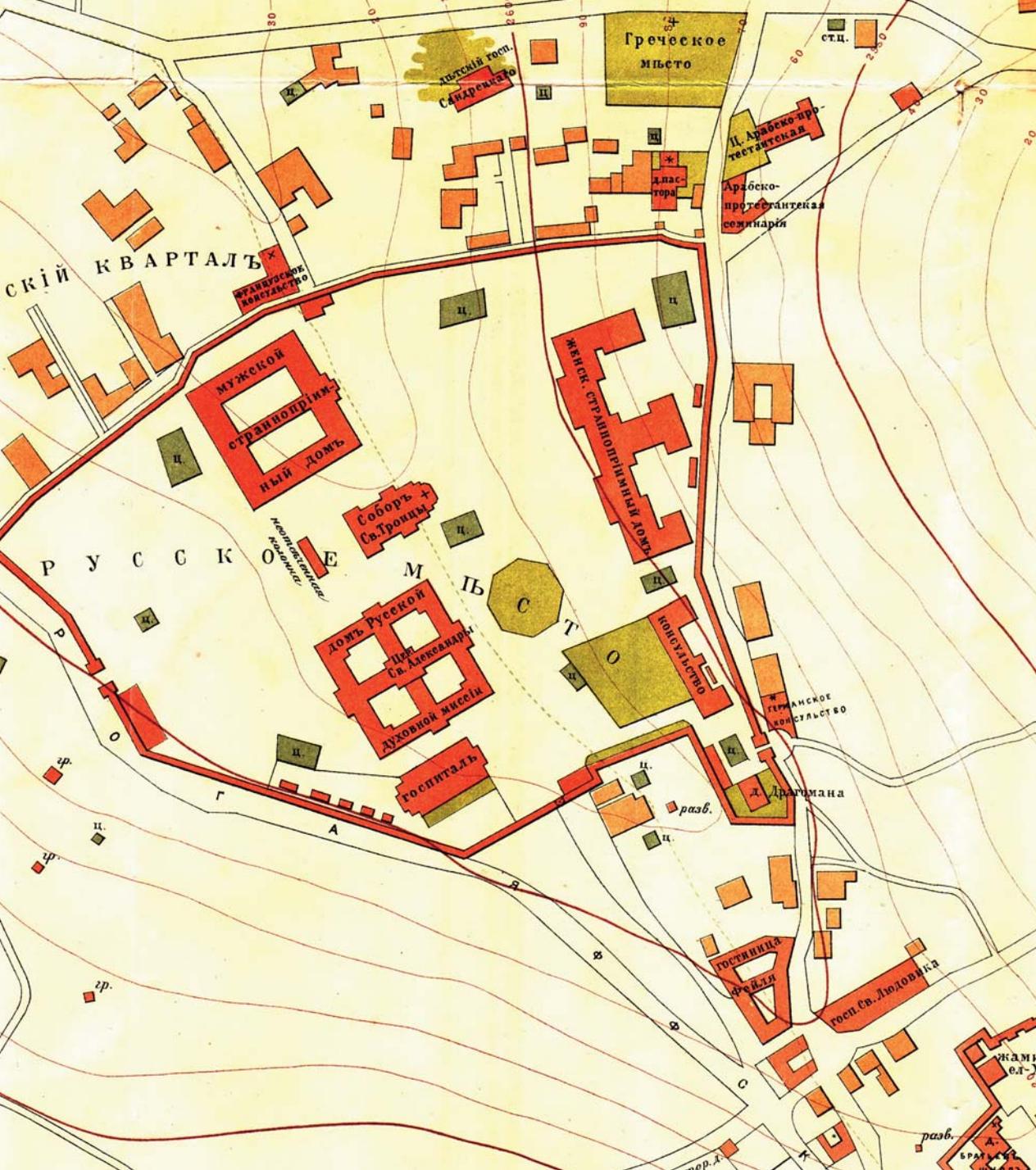
Вид Русских построек с востока.
Фото конец 1860-х гг.

четного количества мест был построен в один этаж. Для решения появившейся в процессе строительства идеи выделить в здании женского приюта место для паломниц первого разряда архитектору пришлось спроектировать пристроенные к основному зданию флигели. Подвалы большинства зданий были конструктивно изменены. Возведение контрфорсных стен, устройство уже упоминавшегося бассейна, строительство и реставрация цистерн также не было предусмотрено генеральной сметой строительства. Для надежной оштукатурки сводов и стен Троицкого собора, которые предполагалось украсить живописью, архитектор закупил специальную обожженную мраморную известь. Ее доставляли с острова Мармара.

Особенной заботой Эппингера стало изготовление плоских водонепроницаемых каменных террас (крыши) над паломническими приютами и зданием Миссии. Большинство перекрытий, устроенных принятым в Палестине способом, в период зимних дождей пропускали воду. От этого заводилась сырость, болели паломники и страдали сами здания. Эппингер, проживавший

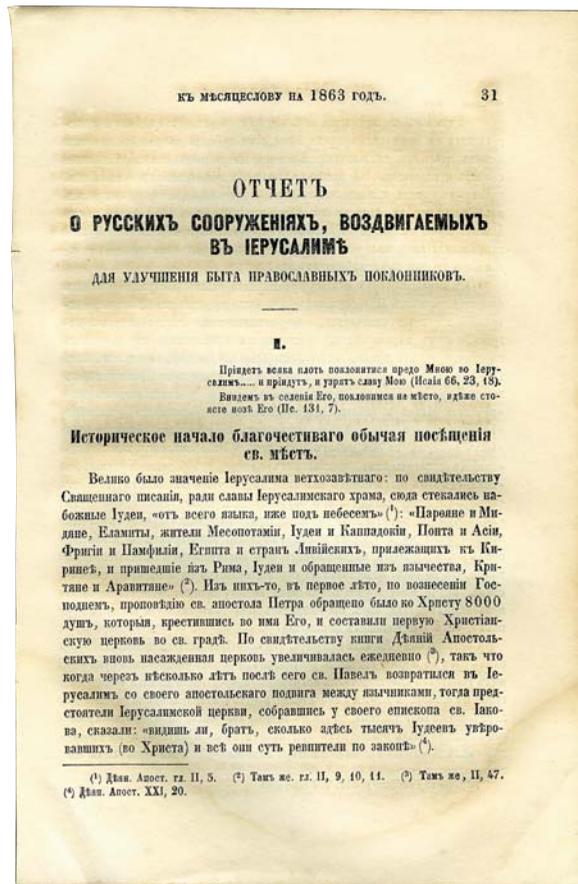
⁴ АВП РИ. Ф. СПб Га II-9. Оп. 46.
Д. 17. Ч. 6. Л. 143об

Макет Русских построек.
Фрагмент макет Иерусалима. 1868–1872 гг.
Автор Ф. Иллъяс

Фрагмент карты Иерусалима
с видом территории Русских построек,
выполненный для ИППО К. Шиком.
1880-е гг.

с семьей в одном из таких домов, мог лично в этом убедиться. Поэтому он решил устроить кровли другим способом, применив дорогостоящую технологию. Для этого отбирались идеального качества колотые продольно каменные плиты (лещадки), которые тщательно обтесывались в рамку с заусенцами. Укладывали лещадки на специальный раствор из извести, секана (золы от топлива в мыльных заводах), кусурмила (залы от банных печей), хамры (битой, растертой в пыль черепицы) и оливкового масла. Покрытая таким образом кровля не пропускала воду во время дождей, во всяком случае в первые годы эксплуатации помещений.

Леонид (Кавелин), Б.П. Мансуров.
«Отчет о русских сооружениях, воздвигаемых
в Иерусалиме для улучшения быта поклонников».
Титульный лист «Отчета», помещенного
в Приложении к Месяцеслову на 1863 год

Завершая строительный отчет за весь период работ с 1860 по 1 мая 1864 г., М.И. Эппингер отмечал, что, несмотря на невыгодные обстоятельства и разные другие трудности, здания наши построены во всех отношениях прочно, в возможно непродолжительное время и в общей сложности стоили отнюдь не дороже того, во что бы обошлись подобные постройки при тех же самых размерах в России⁵.

Действительно, при утвержденных генеральной сметой расходах в 676 741 руб. всего на производство работ было потрачено 665 236 руб. Причем в эту сумму вошли и незапланированные расходы. Уменьшив этажность мужского и женского приютов, Эппингер сохранил их вместимость в 300 и 500 человек соответственно, т.е. эксплуатационная площадь осталась прежней. Экономии способствовало и отношение к делу основных руководителей строительства — Б.П. Мансурова и М.И. Эппингера. Первый всегда скрупулезно контролировал обоснованность любых затрат. Со своей стороны архитектор оказался прекрасным организатором и довольно жестким руководителем. «Грозный Мартын», как именовал его архимандрит Антонин (Капустин), был высокого роста. Одним своим видом он внушал к себе уважение исполнителей. Дисциплина и порядок на постройках были образцовыми, поэтому, несмотря на многочисленные мелкие недоразумения и возникавшие трудности, работы никогда не останавливались и не замедлялись.

В итоге средняя стоимость кубической сажени занятого постройками пространства составила всего 61 руб. 50 коп. Даже в сравнении с Петербургом это было признано весьма умеренным. Поэтому, рассмотрев 5 апреля 1866 г. отчет Главного строителя, Технический строительный комитет Морского министерства, который в данном случае выступал заказчиком строительства, постановил: «означенный отчет утвердить... изъяснив при этом, что при отчете не приложено удостоверения, кроме свидетельства Строителя, о правильности и прочности построек, но что комитет не признал это препятствием к утверждению отчета, так как возведенный храм и прочие сооружения наши в Иерусалиме имели и будут иметь свидетелей из всего христианского мира»⁶.

Русская Палестина — результат деятельности многих людей на довольно большом отрезке времени. Над ее созданием трудились разные ведомства, причем цели и средства у каждого из них были своими. Отсюда так много возникало взаимных пересечений и взаимного сопротивления. Ни Русская Духовная Миссия, ни Св. Синод, ни Императорское Палестинское Общество, ни Министерство Иностранных Дел, ни великий князь Константин Николаевич или Б.П. Мансуров, ни архимандрит Антонин (Капустин) или В.Н. Хитрово, ни августейшая воля, ни русские паломники, ни благодотворители — никто из них самостоятельно, сам по себе, в одиночку не мог создать это явление русской жизни в Святой Земле. Русская Палестина — плод их совместного участия и соучастия, даже в форме ведомственной конкуренции или столкновения личных амбиций, столь ярко появившихся в XIX веке. В этом смысле Русская Палестина никогда не будет закончена до конца. Сегодня возрождается интерес к паломничеству на Святую Землю, расширяются возможности для исторического исследования, появляются новые архивные материалы и источники. Наша задача постараться понять место и значение всех, кто имел отношение к ее судьбе. Тем самым и мы примем участие в ее построении. Но история ее появления должна быть написана еще и для того, чтобы ответить на вопрос — почему при столь значительных результатах всё наше дело на Православном Востоке оказалось таким уязвимым для его противников.

5 АВП РИ. Ф. СПб Га II-9. Оп. 46. Д. 17. Ч. 6. Л. 153

6 АВП РИ. Ф. СПб Га II-9. Оп. 46. Д. 17. Ч. 6. Л. 175

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

Исследование и издание осуществлены в рамках гранта РГНФ № 10-04-00577а/П

Вах К.А.

Великий князь Константин Николаевич и русское паломничество в Святую землю. К 150-летию основания Русской Палестины 1860–1864. — М.: «Индрик», 2011. — 62 с.

ISBN 978-5-91674-119-3

Оригинал-макет *А. С. Старчеус*

По вопросу приобретения книг издательства «Индрик» обращайтесь по тел.:
+7(495)954-17-52
www.indrik.ru
market@indrik.ru

Книга-альбом подготовлена в рамках проведения выставки «Великий князь Константин Николаевич и русское паломничество в Святую землю. К 150-летию основания Русской Палестины 1860–1864» 22 декабря 2010 г. — 07 февраля 2011 г. в выставочном зале Российских архивов.

Организаторы выставки:

Федеральное архивное агентство
Государственный архив Российской Федерации
Научно-издательский центр «Индрик»

Участники выставки:

Государственный Исторический музей (Москва)
Историко-документальный департамент МИД России (Москва)
Российский государственный архив древних актов (Москва)
Государственный музей истории религии (Санкт-Петербург)
Российский государственный архив Военно-морского флота (Санкт-Петербург)
Центральный военно-морской музей (Санкт-Петербург)
Научно-исследовательский музей Российской Академии Художеств (Санкт-Петербург)

© Вах К.А., составление, тексты, 2011
© ГАРФ (Москва), 2011
© РГАДА (Москва), 2011
© НИМРАХ (Санкт-Петербург), 2011
© ГМИИР (Санкт-Петербург), 2011
© Издательство «Индрик», оформление, 2011